

УДК 340.12; 004

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

© 2019 г. С. А. Хмелевская¹, *, Д. Н. Ермаков², **

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

² Российский университет транспорта (МИИТ), Москва

*E-mail: xmelevsk@mail.ru

**E-mail: dermakow@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.08.2018 г.

В статье раскрываются изменения в обществе, произошедшие в цифровую эпоху, возникшую благодаря дигитальным информационно-коммуникационным технологиям. Обосновывается идея, что данные изменения повлияли на роль и место права как значимого социального института в жизни современного социума. С одной стороны, законодатель и правоприменитель стремятся вписать новые феномены цифровой эпохи в существующую систему правоотношений, с другой – это объективно требует более точной и своевременной настройки гибкого механизма правового регулирования соответствующих отношений.

Ключевые слова: цифровые технологии, информационное общество, общество знаний, право, Сеть, массовая самокоммуникация, горизонтальные связи, Интернет вещей, управление Интернетом, гибкое правовое регулирование.

DOI: 10.31857/S013207690004658-5

За последние годы произошли существенные изменения в мировом общественном развитии, связанные в первую очередь с бурно протекающими процессами информатизации и появлением принципиально новых дигитальных (цифровых) информационно-коммуникационных технологий, что дало повод философам и ученым говорить о наступлении цифровой эпохи¹. Возникновение цифровой эпохи исследователи связывают с разработкой и внедрением дигитальных (цифровых) информационно-коммуникационных технологий. При этом развитие данных технологий следует рассматривать не только как показатель прогресса в изменении мирового сообщества, но и как «одну из производных прогресса в осуществлении прав человека и основных свобод»². В социально-философском плане цифровая эпоха соответствует очередной ступени эволюции постиндустриального

общества, которая была названа информационным обществом. Однако и информационное общество в процессе своего развития переходит на более высокую ступень – общество знаний.

В свое время Э. Тоффлер, раскрывая суть информационного общества как общества «третьей волны», отмечал, что «третья волна не просто ускоряет информационные потоки, она трансформирует глубинную структуру информации, от которой зависят наши ежедневные действия»³, а «наряду с новой техносферой появляется новая инфосфера, и это будет иметь далеко идущие последствия во всех сферах жизни, включая наше сознание»⁴.

Что касается общества знаний (общества знания, по терминологии ЮНЕСКО⁵), то не все исследователи согласны с тем, что его следует выделять как самостоятельное (наряду с информационным)

¹ См., напр.: Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2017.

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН, 20 декабря 2017 г. Использование информационно-коммуникационных технологий в целях устойчивого развития [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ares72d200_ru.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

³ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 266.

⁴ Там же. С. 277.

⁵ См.: Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 01.08.2018).

общество. Например, Д. Белл высказывал идею, что информация и знания составляют основу постиндустриального общества⁶. Вместе с тем во многих научных работах, а также в нормативных правовых актах и документах (как международных, так и российских), касающихся обозначенной темы, выделяется как самостоятельный этап общественного развития общество знаний. Так, Н. Штер в качестве характерной черты общества знаний отмечал «проникновение науки во все сферы общественной жизни»⁷. При этом различие между информацией и знанием, по его мнению, в том, что информация соотносится только с прошлым и некоторой частью настоящего, а «знание позволяет делать предсказания, выявлять причинные связи или принимать решения относительно дальнейших действий»⁸.

Во многом дискусионность по поводу выделения общества знаний помимо информационного общества связана с полисемантической природой понятий «информация» и «знание». Причем в одной из своих трактовок эти понятия могут пересекаться, в других – нет.

Попытка сформулировать основные критерии общества знания была предпринята во Всемирном докладе ЮНЕСКО в 2005 г.⁹ В частности, в нем отмечалось, что «понятие информационного общества основывается на достижениях технологии. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры»¹⁰, а «развитие новых информационных и коммуникационных технологий создало новые условия для возникновения обществ знания»¹¹. Как объясняют разработчики доклада, множественное число применительно к обществам знания использовано не случайно, так как отсутствует единая модель такого общества, а для его построения необходимо учитывать культурное и языковое многообразие современного социума.

При этом важны единые принципы, указывающие на особенности функционирования обществ знания, а именно: «свобода выражения мнений, всеобщий доступ к информации и знаниям,

уважение культурного и языкового разнообразия и качественное образование для всех»¹².

В российских нормативных правовых актах и документах также представлены определения понятий «информация», «информационное общество» и «общество знаний». Так, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹³ под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Причем характеристики этих сведений здесь не раскрываются.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹⁴ информационное общество определено как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан», а общество знаний – как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». Отдельное определение понятия «знание» здесь отсутствует, хотя из дефиниции общества знаний можно сделать вывод, что знание трактуется как достоверная информация (между тем, на наш взгляд, применяемый признак – «достоверная» – не представляется корректным, так как требует в свою очередь дефиниции и критериев указанной достоверности).

Попытка сформулировать дефиницию понятия «знания» представлена в Модельном образовательном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств (Общая часть)¹⁵. «Знания представляют собой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий. Знания могут быть донаучными, житейскими, художественными (как специфический способ эстетического освоения действительности), научными. На основе знаний вырабатываются умения, навыки

⁶ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 4.

⁷ Stehr N.A. Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. Frankfurt a M., 1994. S. 36.

⁸ Цит. по: Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2010. С. 51.

⁹ Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 01.08.2018).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Общество знаний: путь к построению лучшего мира. ЮНЕСКО [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ru.unesco.org/node/250126> (дата обращения: 01.08.2018).

¹³ См.: Росс. газ. 2006. 29 июля.

¹⁴ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

¹⁵ Принят в г. Санкт-Петербурге 16 ноября 2006 г. Постановлением 27–12 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (см.: Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. Ч. 2. 2007. № 39. С. 103–221).

и компетентность». Данное определение с философско-методологической точки зрения весьма спорно: в частности, не все современные философы признают, что познание есть отражение действительности. Например, некоторые из них определяют «познание» как конструирование реальности¹⁶; не меньшие споры вызывает и понятие «адекватность» (что означает адекватность: изоморфизм, соответствие теоретическим принципам, сконструированным моделям?). Перечисление в одном ряду научных и вненаучных знаний позволяет сделать вывод, что они уравниваются в своей эпистемологической ценности, что также вызывает вопросы.

Общество знаний не следует противопоставлять или разрывать с информационным обществом. Так, с точки зрения развития информационно-коммуникационных технологий разные ступени в развитии общества можно обосновать следующим образом: технология Web 2.0 породила процессы массовой самокоммуникации, когда каждый Интернет-пользователь может стать одновременно и производителем определенной информации. Но эта информация не проходит, как правило, процедуры оценки на достоверность. Технология Web 3.0 нацелена на создание профессионального, компетентного контента, отличающегося обоснованностью и, соответственно, достоверностью¹⁷. В социальном плане это нашло отражение в понятии «общество знаний», означающего, по сути, более высокую степень в развитии социума по сравнению с информационным обществом. «Информационное общество считается необходимым предшествующим шагом для создания обществ знаний»¹⁸. Информационное общество во главу угла ставит значимость сведений, в то время как общество знаний за основу берет достоверность информации — что, собственно, и означает понятие «знания». Но и информационное общество, и общество знаний — это проявления постиндустриального общества, которое развивается, проходя разные ступени, и обретает ряд новых признаков.

Переходу к информационному обществу и его дальнейшему развитию — обществу знаний способствовали новые, прежде всего дигитальные,

информационно-коммуникационные технологии, которые породили значимые социальные изменения. Внедрение дигитальных информационно-коммуникационных технологий привело к появлению новых форм взаимодействий людей, новых информационно-коммуникационных практик и, как следствие, воздействовало на базисные системы общественных отношений¹⁹. В цифровую эпоху мировое сообщество стало иным, что отразилось и в изменении в социуме роли права.

О масштабах распространения указанных выше технологий говорит хотя бы тот факт, что в январе 2018 г. количество пользователей Интернета в мире достигло 4.021 млрд человек (все население планеты — 7.6 млрд чел.)²⁰. Причем по охвату населения данными технологиями наиболее широкое распространение они получили в Северной Европе (94%), Западной Европе (90%) и Северной Америке (88%)²¹. Что касается Российской Федерации, то сегодня она занимает «первое место... в Европе по числу пользователей глобальной сети. Их в России уже более 90 млн человек»²².

К каким социальным последствиям привело появление цифровой эпохи? Они четко обрисованы, в частности, в актах и документах ООН, посвященных данной теме²³. Среди них здесь названы:

¹⁹ Интересно отметить, что в европейских нормативных правовых актах и документах стали употребляться такие понятия, как цифровые (дигитальные) граждане (*Digital citizens*) — лица, способные осуществлять и защищать свои демократические права и обязанности в режиме онлайн, а также защищать права человека, демократию и верховенство права в киберпространстве; «*Netizen*» — человек, активно участвующий в онлайн-сообществах или в Интернете в целом; цифровое гражданство (*Digital citizenship*) — осуществление и охрана/защита демократических прав и обязанностей в цифровой среде/киберпространстве; «Интернет граждан» — понятие, употребляемое как противоположное понятию «Интернет вещей» (см.: Internet governance — Council of Europe Strategy 2016–2019 (2016) [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://edoc.coe.int/en/internet/7128-internet-governance-council-of-europe-strategy-2016-2019.html> (дата обращения: 01.08.2018).

²⁰ Отчет «Global Digital 2018» от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> (дата обращения: 01.08.2018).

²¹ См.: Интернет в России и в мире [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 01.08.2018).

²² Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности в Москве, 6 июля 2018 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/57957> (дата обращения: 01.08.2018).

²³ См.: Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята на о. Окинава 22 февраля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56; Женевская декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии». Принята 12 декабря 2003 г. (см.: WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R); Женевский План

¹⁶ См.: Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. К вопросу о споре реалистов и антиреалистов в современной философии науки // Теория и практика общественного развития (Электронный журнал). 2012. № 4. С. 20–24.

¹⁷ См.: Славин Б.Б. Web 3.0 и новая экспертная экономика // Рождение коллективного разума. О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия. М., 2018. С. 75.

¹⁸ Knowledge Societies Policy Handbook. United Nations Information for All Programme Educational, Scientific and Cultural Organization. 27 May 2016.

появление новых форм в экономической деятельности (например, электронная торговля), социальной сфере (например, дистанционные формы занятости), управлении (например, электронное правительство) и пр. Традиционные организационные формы массовой информации также начинают изменяться (например, появляются электронные средства массовой информации). Формируются и новые источники информации в цифровой реальности (например, социальные сети, sms-сообщения и проч.).

Быстро меняются и сами информационно-коммуникационные технологии, что наглядно проиллюстрировал футуролог Н. Спивак, раскрывая этапы развития технологии Web X.O (от Web 1.0 к Web 4.0)²⁴. Уже в настоящее время формируется Интернет вещей²⁵, обсуждается разработка Нейронета²⁶.

Наряду с изменениями, фиксируемыми на феноменологическом уровне, следует указать на изменения сущностного характера, происходящие в обществе и отражающиеся в механизме правового регулирования общественных отношений. Перечислим некоторые из них.

1. В обществе все более значимую роль начинают играть малозаметные горизонтальные связи, однако это не отменяет существования вертикальных связей, раскрывающих иерархичность социума. При этом возникает вопрос о необходимости, возможности и мере правового регулирования горизонтальных связей (точнее – отражаемых ими общественных отношений). В свою очередь, и последние влияют

действий (см.: WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R); Тунисская программа для информационного общества. Принята 18 ноября 2005 г. (см.: WSIS-05/TUNIS/DOC/6(REV.1)-R); Тунисское обязательство (документ WSIS-05/TUNIS/DOC/7-R); Резолюция «Использование информационно-коммуникационных технологий в целях устойчивого развития». Принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 2017 г. на 72-й сессии; Доклад Рабочей группы по укреплению Форума по вопросам управления Интернетом на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН; Доклад Генерального секретаря ООН «Прогресс, достигнутый в осуществлении решений и последующей деятельности по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества на региональном и международном уровнях» на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/ru/documents/index.html> (дата обращения: 01.08.2018).

²⁴ См.: Radar Networks & Nova Spivak, 2007 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://novaspivack.com/technology/how-the-webs-evolves> (дата обращения: 01.08.2018).

²⁵ См.: Интернет вещей (The Internet of Things, IoT) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.bizhit.ru/index/trend_www_traffic/0-171 (дата обращения: 01.08.2018).

²⁶ См.: Галушкин А.И. Нейронные сети: основы теории. М., 2012; Редько В.Г. Эволюция, нейронные сети, интеллект: модели и концепции эволюционной кибернетики. М., 2013; Nicoletis M.A.L. Brain-to-Brain Interfaces: When Reality Meets Science Fiction // Cerebrum. Sept., 2014.

на такое регулирование. По мере развития информационного общества и перехода к обществу знаний значимость данного влияния будет возрастать. Вместе с тем у исследователей различное отношение к возрастанию влияния горизонтальных связей в обществе (например, такое: «после изобретения ядерного оружия, считавшегося наибольшей угрозой для цивилизации, в настоящее время в мире появилась новая угроза, способная оказать негативное влияние на человеческую цивилизацию без ее физического уничтожения, – это сила информации, объединенной в сети»²⁷).

Сочетание процесса глобализации, объединяющего мировые рынки, и технологических новшеств, сокращающих стоимость коммуникаций, а также значительно увеличивающих скорость и объем передачи информации, привело к появлению общества, которое М. Кастельс в своих работах называет «сетевым обществом», – общества, «структура которого выстраивается вокруг сетей»²⁸.

В любом обществе существует система социальных сетей, внутри которых люди формируют и поддерживают разнообразные отношения. Однако в цифровую эпоху появляются новые организационные формы, которые более не вписываются в логику централизации пространства и обычных центров принятия решений. Происходит же это потому, что существенно возрастает значимость горизонтальных связей, которые весьма часто пересекают социальные и национальные границы. Данное обстоятельство, как справедливо отмечает М. Кастельс, приводит к тому, что само национальное государство становится «сетевым государством»²⁹, в котором на иных основах выстраивается и функционирование права. Такое государство характеризуется следующими признаками: «разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления»³⁰; гибкостью государственного управления, в том числе и правового регулирования; «разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства»³¹.

В истории общественного развития право в первую очередь закрепляло вертикальные связи,

²⁷ См.: Кутовой Д.А. Цифровая аналогия общественных отношений в постиндустриальном обществе: потенциал развития или новая угроза? // Информационное право. 2017. № 4. С. 34–38.

²⁸ Кастельс М. Указ. соч. С. 69.

²⁹ Там же. С. 63.

³⁰ Там же. С. 86.

³¹ Там же.

придавая им первостепенное значение и выстраивая тем самым определенный правопорядок. Но тем не менее в социуме всегда существовали и горизонтальные социальные связи, лишённые иерархичности и основанные на равноправии их субъектов. Формируемые горизонтальными связями социальные общности могут быть охарактеризованы как аутопоэтические, т.е. самонастраивающиеся, системы³². Отношение права к таким связям в разные исторические периоды было различным, но общая интенция сводилась к установлению более или менее строгого контроля над ними.

Возрастание значимости горизонтальных социальных связей многие авторы (М. Кастельс, Р. Хилц, М. Турофф, Я. ван Дейк и др.) связывают с распространением глобальной сети – Интернета, предоставляющего его участникам особый тип коммуникации, «для которого характерна значительная автономия коммуницирующих субъектов»³³. Технология Web 2.0 позволила участникам Сети осуществлять то, что М. Кастельс назвал массовой самокоммуникацией, когда цифровые технологии дали возможность широкому кругу Интернет-пользователей продуцировать свой контент и распространять его в киберпространстве.

Вместе с тем массовая самокоммуникация породила целый ряд как позитивных, так и негативных тенденций. С одной стороны, она явилась предпосылкой и результатом выражения свободы мнений, общения в киберпространстве, возможностью самовыражения личности коммуниканта (Интернет-пользователя). Казалось, что киберпространство – это и есть та сфера, где возможны максимальные самоосуществление и реализация долгожданной свободы, доминирование горизонтальных связей, основанных на равноправии. С другой стороны, постепенно приходило осознание, что киберпространство – это и новое поле криминальной деятельности, и новые формы контроля над личностью (в том числе и со стороны самих же Интернет-пользователей), и новые проявления (теперь уже цифрового) неравенства.

Более того, в самой Сети стали формироваться и связи вертикального характера, имеющие, однако, свою специфику. Причем в Сети такого рода связи весьма многообразны. Общая классификация существующих в настоящее время сетевых связей следующая:

— горизонтальные социальные связи (в частности, связи между Интернет-пользователями, формирующие различные протоколы коммуникации, построенные на отсутствии доминирования);

— вертикальные социальные связи, выражающие прежде всего властные отношения, позволяющие «социальному актору, имеющему соответствующую возможность асимметрично влиять на решения другого(их) актора(ов) желательным для его воли, интересов и ценностей образом»³⁴. Эти властные отношения могут касаться так называемой *сетевой власти* – власти отдельных акторов (организаций) в Сети, составляющих ядро сетевого сообщества (сообществ) и укрепляющих свою власть с помощью Сети; *власти самой Сети*, которая формирует определенные паттерны, стандарты (протоколы) сетевых коммуникаций в Сети; власти в Сети – власти, которая поделена между государствами, иными публично-властными структурами, гражданским обществом, бизнесом на международном и национальном уровнях по управлению Сетью; *сетесозидающей власти* – власти, реализуемой в возможности и способности создавать Сеть/сети, их программировать/перепрограммировать, соединять и обеспечивать взаимодействие множества сетей³⁵.

Киберпространство как аутопоэтическая система должно было самостоятельно выработать собственные правила регулирования, что выразилось в стандартах поведения в Сети. Однако Сеть, с одной стороны, должна была вписаться в устоявшиеся организационные и коммуникационные структуры общества, уже имеющуюся систему правового регулирования общественных отношений, функционирующую как на национальном, так и на международном уровнях, что на практике было сделать непросто ввиду наличия здесь значительного числа горизонтальных связей, не поддающихся прямому (главным образом, императивному) регулированию, а также потому, что сами вертикальные связи распределены между разными акторами (причем как на национальном, так и на глобальном уровнях).

С другой стороны, информационное общество, общество знаний требуют гибкого правового регулирования, так как любой перекося в этом регулировании способен привести к значительному отставанию в области производства и распространения новых знаний. Поэтому потребовалось дальнейшее развитие права с тем, чтобы разрешить возникшие противоречия между существующим правопорядком и новыми феноменами социальной жизни, связанными с дигитальными информационно-коммуникационными технологиями.

Однако и модели сетевого государства могут быть различными. Например, возможно с помощью новейших информационно-коммуникационных

³² См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб., 2007.

³³ Кастельс М. Указ. соч. С. 10.

³⁴ Там же. С. 55.

³⁵ См.: там же.

технологий установить тотальный контроль над горизонтальными связями в Сети, а возможно использовать последние для реализации свободы творчества и тем самым для расширения возможностей и перспектив прогрессивного развития общества. Но и в последней из названных моделей горизонтальные связи нуждаются в правовом регулировании (например, регулирование договорных отношений для условий обслуживания Интернет-платформ, закрепление в нормативных правовых актах требований о подотчетности и прозрачности для сообщества с участием многих заинтересованных сторон в отношении сбора, хранения и анализа персональных данных и пр.).

Необходимость гибкого правового регулирования Сети зафиксирована в документе, принятом Советом Европы в 2016 г., которым закреплена Европейская стратегия по вопросам управления Интернетом на 2016–2019 годы³⁶. Если охарактеризовать документ в целом, то он устанавливает компромисс между саморегулированием киберпространства, представив последнее как аутопоэтическую систему, и правовым регулированием, нацеленным на обеспечение кибербезопасности, противодействие экстремизму и радикализации общества, борьбу с ненавистническими высказываниями и сексуальной эксплуатацией детей в Сети (Интернет как среда должен быть безопасным, открытым и благоприятным для всех без какой бы то ни было дискриминации). Каждый человек должен иметь возможность осуществлять общепризнанные права и основные свободы в Интернете, включая право на частную жизнь и защиту персональных данных (это закреплено в специальном разделе «Уважение и защита прав каждого человека в цифровом мире»). Однако в строго оговоренных случаях здесь возможны ограничения. Тем самым документ раскрывает общую политику, а также принципы управления Интернетом, в том числе в областях сетевой и информационной безопасности.

Попытка правового регулирования Сети на основе привычной формы регулирования с помощью выстраивания вертикальных связей наталкивается на бурные процессы самокоммуникации в Сети, когда практически все аспекты государственной и общественной жизни становятся объектом пристального внимания со стороны Интернет-пользователей, что отражается в общественном мнении сетевого сообщества, выработке платформы для дальнейших действий. В сетевом сообществе, каковым является Интернет, нет

«единого управляющего органа», но есть «множественность центров управления»³⁷.

Гибкое правовое регулирование Сети предполагает различные формы контроля над Сетью, в том числе с помощью как самоконтроля Сети, так и сетевого контроля над всеми видами властных отношений. Причем гибкое правовое регулирование предусматривает и легальные формы контроля всех сторон общественной жизни со стороны сетевого сообщества (например, через специальные Интернет-порталы, мобильные приложения и проч.).

Наличие горизонтальных отношений в Сети позволяет повысить активность гражданского общества (в данном случае сообщества Интернет-пользователей) и сформировать систему баланса интересов, механизм соблюдения которого выступает распределение властно-контролирующих полномочий между государством и сообществом Сети. В связи с этим можно согласиться с авторами (например, с М. Кастельсом), которые утверждают, что следует говорить не об управлении горизонтальными связями в Сети, а об их программировании и перепрограммировании.

2. Цифровая эпоха благодаря новым информационно-коммуникационным технологиям вызвала бурный рост интерактивной коммуникации, что выразилось в выстраивании пользователями Сети собственных (индивидуализированных) систем массовой самокоммуникации (через блоги и видеоблоги, sms-сообщения, лайки и пр.). Это дало возможность широкой циркуляции информации путем производства и распространения оригинального (авторского и не только авторского) контента. Блогосфера стала значимым коммуникационным пространством. Информация, единожды возникнув в Сети, далее начинает жить собственной жизнью, уже независимо от воли и намерений ее автора.

С одной стороны, массовая самокоммуникация позволила Интернет-пользователям оперативно реагировать на происходящие в мире события, выражать свое мнение, находить единомышленников, создавать сообщества. Причем не все пользователи Сети участвуют в сетевых коммуникациях анонимно. Более того, некоторые сайты требуют для своих пользователей регистрации. Но, с другой стороны, массовая самокоммуникация породила и ряд негативных тенденций: распространение контента, который противоречит основам нравственности и права, стирание грани между частной и публичной жизнью, возможность использования персональных данных в преступных целях и пр. Отсюда – правовое регулирование должно быть

³⁶ Internet governance – Council of Europe Strategy 2016–2019 (2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://edoc.coe.int/en/internet/7128-internet-governance-council-of-europe-strategy-2016–2019.html> (дата обращения: 01.08.2018).

³⁷ Краснов П. Что такое сетевые организации? [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.contr-tv.ru> (дата обращения: 01.08.2018).

направлено как на пресечение негативных тенденций, так и на защиту Интернет-пользователей от противоправных действий в Сети.

В связи с развитием массовой самокоммуникации возникает целый ряд непосредственно юридических проблем, среди которых – закрепление и обеспечение права на пользование Интернетом как одного из прав человека (права человека в Интернете). Это право подразумевает: доступ к Сети (право на доступ в Интернет уже признано в документах ООН³⁸, получив тем самым признание на международном уровне), создание информационного контента и его распространение, общение в Сети, доступ к цифровым ресурсам. Вместе с тем в рамках гражданско-правовых отношений под цифровыми правами предлагается понимать «цифровой код или обозначение», а «совокупность электронных данных следует трактовать как цифровое право, принадлежащее лицу, зарегистрированному в децентрализованной информационной системе»³⁹. В таком значении цифровые права трактуются и в отечественном законопроекте, посвященном данной теме⁴⁰.

Одновременно резонно возникает вопрос и о правовом регулировании контента и коммуникаций в Сети (запрет на распространение экстремистских материалов, а также материалов, связанных с пропагандой, распространением наркотических средств, детской порнографии, материалов, связанных с пропагандой войны, разжиганием национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды; регулирование отношений, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности; исключительных прав на сетевой адрес; защита персональных данных и проч.).

Одна из проблем правового регулирования массовой самокоммуникации – правовая идентификация Интернет-пользователя. По сути, «единственной возможностью его идентификации в сети Интернет остается IP-адрес устройства, посредством которого это лицо вышло в Интернет»⁴¹.

³⁸ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue // General Assembly United Nations. 16 May 2011.

³⁹ Андреев В. К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 38–41.

⁴⁰ Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении был принят проект федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о цифровых правах). Однако, как отмечают разработчики законопроекта, он содержит только положения, закрепляющие нормы гражданского права.

⁴¹ Жарова А. К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1(19). С. 64.

Но означает ли такая идентификация идентификацию личности, а не технического устройства? И как соблюсти баланс между свободой массовых самокоммуникаций и необходимостью идентификации Интернет-пользователя в случае совершения им противоправных действий?

3. *Наличие горизонтальных и вертикальных связей в Сети создает сложную структуру управления ею и, соответственно, ее правового регулирования.* Систему управления Сетью можно рассматривать в нескольких плоскостях:

– саморегулирование внутри горизонтальных связей (этические нормы, формулируемые Интернет-пользователями);

– регулирование горизонтальных связей со стороны сетесозидающей власти (например, со стороны руководства сервером по типу включаю/исключаю);

– регулирование горизонтальных связей Сети со стороны негосударственных (например, Интернет-корпорации по присвоению имен и номеров – ICANN⁴²) и государственных (как на международном, так и национальном уровнях, например межправительственная организация Международного Союза Электросвязи);

– регулирование связей вертикального характера (например, сетесозидающей власти, сетевой власти) со стороны государственных и негосударственных структур⁴³.

Невозможность установления полного контроля над Сетью (ввиду ее децентрализации, трансграничного характера и пр.) задает необходимость гибкого правового регулирования Сети (хотя в некоторых странах вообще запрещен свободный выход в Интернет, как, например, в КНДР). Право в данном случае выступает в роли медиатора, посредника в процессах диалога между государством, с одной стороны, и участниками и акторами Сети – с другой. Хотя Интернет не имеет единого

⁴² ICANN является международной некоммерческой корпорацией, несущей ответственность за распределение адресного пространства в Интернете (IP), назначение идентификатора протокола, общий код (gTLD) и код страны (ccTLD).

⁴³ Для учета мнений Интернет-пользователей, соблюдения и защиты их прав и свобод в киберпространстве и в целях совершенствования управления Интернетом в Европе созданы: «Европейский диалог по управлению Интернетом (EuroDIG)»; «Коалиция свободы» (FOC); «Форум по управлению Интернетом» (IGF); «Интернет-общество» (ISOC); «Лондонский процесс» и др. Представлен законопроект Digital Magna Carta о правах для Интернета, цель которого – «разработать позитивные законы, которые защищают и расширяют права пользователей на открытую, свободную и универсальную сеть» // Internet governance – Council of Europe Strategy 2016–2019 (2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://edoc.coe.int/en/internet/7128-internet-governance-council-of-europe-strategy-2016-2019.html> (дата обращения: 01.08.2018).

центра управления, но существует ряд международных площадок, на которых вырабатываются общие принципы управления им. Между тем, исходя из Женевской декларации принципов, «политические полномочия по связанным с Интернетом вопросам государственной политики являются суверенным правом государств»⁴⁴.

В связи с открытостью Интернета и его трансграничным функционированием возникает проблема сохранения и обеспечения государственного суверенитета в Сети, которую ряд государств пытается разрешить с помощью фрагментации и образования национальных сегментов Интернета.

Не менее значима и проблема определения юрисдикции в Сети (например, сайт может быть зарегистрирован в одной юрисдикции, провайдер – в другой, а пользователи сайта – в третьей). Единых для всех государств принципов определения юрисдикции нет. Каждое из них формулирует такие принципы, исходя из собственных представлений (например, в судах США используется «общий «тест минимума контактов»»⁴⁵). Опять же возникает дилемма между открытостью Сети и национальной (государственной) безопасностью.

4. Переход от существующей платформы Web 2.0 к последующим, более продвинутым платформам создает ситуацию, когда, например, «компьютер сможет принимать автоматические решения на основании имеющихся в нем алгоритмов»⁴⁶.

Самообучение компьютеров позволит им самостоятельно принимать решения. В связи с этим возникает проблема более точной и своевременной настройки гибкого механизма правового регулирования соответствующих отношений. Уже сейчас в рамках формирующегося Интернета вещей⁴⁷ возникают вопросы юридической ответственности за те или иные деяния, опосредованные, в частности, отношениями «машина – машина». Так,

⁴⁴ Декларация принципов. Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии.

⁴⁵ Азизов Р.Ф. *оглы*. Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет // Информационное право. 2014. № 5. С. 25–29.

⁴⁶ См.: Кутовой Д.А. *Указ. соч.* С. 35.

⁴⁷ Под Интернетом вещей подразумевается «глобальная инфраструктура для информационного общества, которая обеспечивает возможность предоставления более сложных услуг путем соединения друг с другом (физических и виртуальных) вещей на основе существующих и развивающихся функционально совместимых информационно-коммуникационных технологий» (см.: Рекомендация МСЭ-Т Y.2060 (06/2012). Сер. Y: Глобальная информационная инфраструктура, аспекты протокола Интернет и сети последующих поколений. Сети последующих поколений – Структура и функциональные модели архитектуры. Обзор Интернета вещей) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I> (дата обращения: 26.05.2016).

в настоящее время созданы беспилотные автомобили, оборудованные системой автоматического управления, без участия человека. В случае непредвиденных ситуаций данный автомобиль будет самостоятельно принимать решение, в том числе и такое: спасти себя или пешехода, который внезапно выскочил на дорогу, тем более если в программе автомобиля заложен принцип самосохранения системы.

Помимо проблемы правовой ответственности здесь также возникают и иные проблемы правового характера (например, идентификация пользователей, тайна частной жизни, когда данные с помощью Интернета вещей будут собираться независимо от воли субъекта, и проч.).

5. В условиях лавинообразного нарастания информации возрастает роль коллективного разума в ее обработке. Более того, широкий доступ к знаниям, оценкам экспертного сообщества породил феномен умной толпы, говоря языком Г. Рейнгольда⁴⁸.

Чем сложнее отношения в обществе, требующие правового регулирования, тем больше значимость коллективного обсуждения принимаемых решений в области права. Наличие огромного массива данных – Big Data – требует коллективного разума для обработки информации, а также многосторонних компетенций. Отсюда – появление технологий краудсорсинга и посткраудсорсинга, привлекающих широкое сообщество для решения тех или иных значимых проблем. В качестве примера таких технологий в праве можно привести технологии всенародного обсуждения проектов нормативных правовых актов. К настоящему времени создано множество легальных форм диалога между публичной властью и участниками Сети (например, электронное участие Интернет-пользователей в электронном правительстве и пр.), что меняет сам характер властных отношений (индирективная власть).

Отметим, что в европейских актах и документах управление Интернетом предстает как разработка и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом в их соответствующих ролях общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, которые формируют эволюцию и использование Интернета⁴⁹.

6. Дигитальная информационно-коммуникационная среда требует применения цифровых технологий во всех аспектах правовой деятельности (например, получение правовой помощи, государственных

⁴⁸ См.: Рейнгольд Г. Умная толпа. М., 2006.

⁴⁹ Internet governance – Council of Europe Strategy 2016–2019 (2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://edoc.coe.int/en/internet/7128-internet-governance-council-of-europe-strategy-2016-2019.html> (дата обращения: 01.08.2018).

и муниципальных услуг в электронном виде). Для этого необходимо создание развитой информационной инфраструктуры, способной накапливать, обрабатывать и хранить большие объемы данных, касающихся права.

7. *Цифровая среда создает новые объекты правового регулирования (например, Интернет-торговля, оказание онлайн-услуг, обеспечение онлайн-взаимодействия и пр.)*.

Понятно, что в цифровую эпоху необычайно сложно охватить новые феномены действующей системой правового регулирования общественных отношений, что требует, в частности, формирования принципиально новых институтов права. Однако право не всегда успевает реагировать на происходящие в обществе и информационно-коммуникационных технологиях изменения. Например, разработка искусственного интеллекта, робототехники порождает множество отношений, требующих регулирования нормами права, однако до сих пор в отечественной (и не только отечественной) системе права отсутствует понимание, что считать робототехникой, применимо ли к роботам понятие правосубъектности и пр.

Таким образом, право в цифровую эпоху должно создавать условия для эффективного развития общества, обеспечивать реализацию цифровой свободы, а также предотвращать риски, угрозы, которые могут возникнуть в цифровой сфере. Для этого требуется создание системы гибкого правового регулирования, которое «должно... не тормозить, а успевать за прорывным развитием цифровых технологий и надежно защищать экономические свободы, собственность, безопасность, частную жизнь и личное пространство граждан»⁵⁰. Право должно представлять собой и гибкую систему в том смысле, что оно должно постоянно находиться в курсе тенденций развития цифровой среды, в том числе и негативных, которые связаны, например, с новыми видами преступлений в данной среде, нарушением прав граждан и пр. Вместе с тем новая роль права требует и высокой социальной ответственности самих граждан (и не только Интернет-пользователей), и появления новых форм взаимодействия граждан, бизнеса и публично-властных структур. Например, уже в настоящее время создается система автоматизированного обмена информацией об угрозах в цифровом пространстве, что позволит скоординировать действия бизнес-структур с государственными правоохранительными органами.

⁵⁰ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности в Москве, 6 июля 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/57957> (дата обращения: 01.08.2018).

Аналогичная система о возможных кибер-угрозах должна быть создана и на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азизов Р.Ф. *оглы*. Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет // Информационное право. 2014. № 5. С. 25–29.
2. Андреев В.К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 38–41.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 4.
4. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 01.08.2018).
5. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на Пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности в Москве, 6 июля 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/57957> (дата обращения: 01.08.2018).
6. Галушкин А.И. Нейронные сети: основы теории. М., 2012.
7. Доклад Генерального секретаря ООН «Прогресс, достигнутый в осуществлении решений и последующей деятельности по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества на региональном и международном уровнях» на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.un.org/ru/documents/index.html> (дата обращения: 01.08.2018).
8. Жарова А.К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1(19). С. 64.
9. Женевская декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Принята 12 декабря 2003 г. // WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R.
10. Женевский План действий // WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R.
11. Интернет в России и в мире [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 01.08.2018).
12. Интернет вещей (The Internet of Things, IoT) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.bizhit.ru/index/trend_www_traffic/0-171 (дата обращения: 01.08.2018).

13. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М., 2017. С. 10, 55, 63, 69, 86.
14. Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010. С. 51.
15. *Краснов П.* Что такое сетевые организации? [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.contr-tv.ru> (дата обращения: 01.08.2018).
16. *Кутовой Д.А.* Цифровая аналогия общественных отношений в постиндустриальном обществе: потенциал развития или новая угроза? // Информационное право. 2017. № 4. С. 34–38.
17. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб., 2007.
18. Общество знаний: путь к построению лучшего мира. ЮНЕСКО [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ru.unesco.org/node/250126> (дата обращения: 01.08.2018).
19. Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята на о. Окинава 22 февраля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.
20. Отчет “Global Digital 2018” от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> (дата обращения: 01.08.2018).
21. *Редько В.Г.* Эволюция, нейронные сети, интеллект: модели и концепции эволюционной кибернетики. М., 2013.
22. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН, 20 декабря 2017 г. Использование информационно-коммуникационных технологий в целях устойчивого развития [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ares72d200_ru.pdf (дата обращения: 01.08.2018).
23. *Рейнгольд Г.* Умная толпа. М., 2006.
24. Рекомендация МСЭ-Т Y.2060 (06/2012). Сер. Y: Глобальная информационная инфраструктура, аспекты протокола Интернет и сети последующих поколений. Сети последующих поколений – Структура и функциональные модели архитектуры. Обзор Интернета вещей) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I> (дата обращения: 26.05.2016).
25. *Славин Б.Б.* Web 3.0 и новая экспертная экономика // Рождение коллективного разума. О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия. М., 2018. С. 75.
26. *Тодфлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 266, 277.
27. Тунисская программа для информационного общества. Принята 18 ноября 2005 г. // WSIS-05/TUNIS/DOC/6(REV.1)-R.
28. Тунисское обязательство // WSIS-05/TUNIS/DOC/7-R.
29. *Хмелевская С.А., Яблокова Н.И.* К вопросу о споре реалистов и антиреалистов в современной философии науки // Теория и практика общественного развития (Электронный журнал). 2012. № 4. С. 20–24.
30. Internet governance – Council of Europe Strategy 2016–2019 (2016) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://edoc.coe.int/en/internet/7128-internet-governance-council-of-europe-strategy-2016-2019.html> (дата обращения: 01.08.2018).
31. Knowledge Societies Policy Handbook. United Nations Information for All Programme Educational, Scientific and Cultural Organization. 27 May 2016.
32. *Nicolelis M.A.L.* Brain-to-Brain Interfaces: When Reality Meets Science Fiction // Cerebrum. Sept., 2014.
33. Radar Networks & Nova Spivak, 2007 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://novaspivack.com/technology/how-the-webos-evolves> (дата обращения: 01.08.2018).
34. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue // General Assembly United Nations. 16 May 2011.
35. *Stehr N.A.* Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. Frankfurt a M., 1994. S. 36.

REFERENCES

1. *Azizov R.F. ogly.* Pravovye problemy opredeleniya yurisdikcii v seti Internet // Informacionnoe pravo. 2014. № 5. S. 25–29.
2. *Andreev V.K.* O ponyatii cifrovyyh prav i ih oborotosposobnosti // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2018. № 2. S. 38–41.
3. *Bell D.* Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt social'nogo prognozirovaniya. M., 1999. S. 4.
4. Vsemirnyy doklad YuNESKO «K obshchestvam znaniya» [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
5. Vystuplenie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina na Plenarnom zasedanii Mezhdunarodnogo kongressa po kiberbezopasnosti v Moskve, 6 iyulya 2018 g. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/57957> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
6. *Galushkin A.I.* Neironnye seti: osnovy teorii. M., 2012.
7. Doklad General'nogo sekretarya OON “Progress, dostignutyj v osushchestvlenii reshenij i posleduyushchej deyatelnosti po itogam Vsemirnoj vstrechi na vysshem urovne po voprosam informacionnogo obshchestva na regional'nom i mezhdunarodnom urovnyah” na 72-j sessii General'noj Assamblei OON [Elektronnyy resurs] – Rezhim

- dostupa: URL: <http://www.un.org/ru/documents/index.html> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
8. *Zharova A.K.* O sootnoshenii personal'nyh dannyh s IP-adresom. Rossijskij i zarubezhnyj opyt // Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2016. № 1(19). S. 64.
 9. Zhenevskaya deklaraciya principov «Postroenie informacionnogo obshchestva – global'naya zadacha v novom tysyacheletii». Prinyata 12 dekabrya 2003 g. // WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R.
 10. Zhenevskij Plan dejstvij // WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R.
 11. Internet v Rossii i v mire [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 12. Internet veshchej (The Internet of Things, IoT) [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://www.bizhit.ru/index/trend_www_traffic/0-171 (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 13. *Kastel's M.* Vlast' kommunikacii. M., 2017. S. 10, 55, 63, 69, 86.
 14. Konceptiya “obshchestva znaniya” v sovremennoj social'noj teorii: sb. nauch. tr. / otv. red. D.V. Efremenko. M., 2010. S. 51.
 15. *Krasnov P.* Chto takoe setevye organizacii? [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://www.contr-tv.ru> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 16. *Kutovoj D.A.* Cifrovaya analogiya obshchestvennyh ot-noshenij v postindustrial'nom obshchestve: potencial razvitiya ili novaya ugroza? // Informacionnoe pravo. 2017. № 4. S. 34–38.
 17. *Luman N.* Social'nye sistemy. Oчерk obshchej teorii / per. s nem. I.D. Gazieva; pod red. N.A. Golovina. SPb., 2007.
 18. Obshchestvo znaniy: put' k postroeniyu luchshego mira. YuNESKO [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://ru.unesco.org/node/250126> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 19. Okinavskaya hartiya global'nogo informacionnogo obshchestva. Prinyata na o. Okinava 22 fevralya 2000 g. // Diplomaticheskij vestnik. 2000. № 8. S. 51–56.
 20. Otchet “Global Digital 2018” ot We Are Social i Hootsuite [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 21. *Red'ko V.G.* Evolyuciya, nejronnye seti, intellekt: modeli i koncepcii evolyucionnoj kibernetiki. M., 2013.
 22. Rezolyuciya, prinyataya General'noj Assambleej OON, 20 dekabrya 2017 g. Ispol'zovanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v celyah ustojchivogo razvitiya [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: http://unctad.org/en/Publication-sLibrary/ares72d200_ru.pdf (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 23. *Rejngol'd G.* Umnaya tolpa. M., 2006.
 24. Rekomendaciya MSE-T Y.2060 (06/2012). Ser. Y: Global'naya informacionnaya infrastruktura, aspekty protokola Internet i seti posleduyushchih pokolenij. Seti posleduyushchih pokolenij – Struktura i funkcional'nye modeli arhitektury. Obzor Interneta veshchej) [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I> (data obrashcheniya: 26.05.2016).
 25. *Slavin B.B.* Web 3.0 i novaya ekspertnaya ekonomika // Rozhdenie kollektivnogo razuma. O novyh zakonah setevogo sociuma i setевой ekonomki i ob ih vliyaniy na povedenie cheloveka. Velikaya transformaciya tret'ego tysyacheletiya. M., 2018. S. 75.
 26. *Toffler E.* Tret'ya volna. M., 1999. S. 266, 277.
 27. Tunisskaya programma dlya informacionnogo obshchestva. Prinyata 18 noyabrya 2005 g. // WSIS-05/TUNIS/DOC/6(REV.1)-R.
 28. Tunisskoe obyazatel'stvo // WSIS-05/TUNIS/DOC/7-R.
 29. *Hmelevskaya S.A., Yablokova N.I.* K voprosu o spore realistov i antirealistov v sovremennoj filosofii nauki // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya (Elektronnyj zhurnal). 2012. № 4. S. 20–24.
 30. Internet governance – Council of Europe Strategy 2016–2019 (2016) [Elektronnyj re-surs] – Rezhim dostupa: URL: <https://edoc.coe.int/en/internet/7128-internet-governance-council-of-europe-strategy-2016-2019.html> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 31. Knowledge Societies Policy Handbook. United Nations Information for All Programme Educational, Scientific and Cultural Organization. 27 May 2016.
 32. *Nicolelis M.A.L.* Brain-to-Brain Interfaces: When Reality Meets Science Fiction // Cerebrum. Sept., 2014.
 33. *Radar Networks & Nova Spivak*, 2007 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://novaspivack.com/technology/how-the-webos-evolves> (data obrashcheniya: 01.08.2018).
 34. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue // General Assembly United Nations. 16 May 2011.
 35. *Stehr N.A.* Eigentum und Wissen: Zur Theorie von Wissensgesellschaften. Frankfurt a M., 1994. S. 36.

**SPECIFICS OF LEGAL REGULATION IN THE DIGITAL AGE:
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTIONS**© 2019 S. A. Khmelevskaya^{1, *}, D. N. Ermakov^{2, **}¹ *Lomonosov Moscow state University*² *Russian University of Transport (MIIT), Moscow**E-mail: xmelevsk@mail.ru**E-mail: dermakow@yandex.ru

Received 14.08.2018

The article reveals the changes in society that occurred in the digital age, which arose due to digital information and communication technologies. The idea that these changes have influenced the role and place of law, as a significant social institution, in the life of modern society is substantiated. On the one hand, the legislator and law enforcer seek to incorporate new phenomena of the digital era into the existing system of juridical relations. On the other hand, this is objectively requires more accurate and timely adjustment of the flexible mechanism of juridical regulation of relevant relations.

Key words: digital technologies, information society, knowledge society, law, Network, mass self-communication, horizontal communications, Internet of things, Internet governance, and flexible juridical regulation.

Сведения об авторе

ХМЕЛЕВСКАЯ Светлана Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич – доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор Российского университета транспорта (МИИТ), Москва

Authors' information

KHMELEVSKAYA Svetlana A. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Lomonosov Moscow state University

ERMAKOV Dmitry N. – Doctor of political Sciences, Doctor of economic Sciences, Professor, Professor of the Russian University of Transport (MIIT) Moscow